

ПОЭЗИЯ
РУССКИХ
ФИЛОСОФОВ

XX

Века

Составители

Михаил Сергеев и Леонид Столович

**ПОЭЗИЯ РУССКИХ
ФИЛОСОФОВ
XX века**

Антология

**Составители:
Михаил Сергеев и Леонид Столович**

Вступительная статья Леонида Столовича

БОСТОН • 2011 • BOSTON

Поэзия русских философов XX века / Антология

Составители: Михаил Сергеев и Леонид Столович
Вступительная статья Леонида Столовича

Poetry of Russian Philosophers of 20th Century *Anthology*

Compiled by Mikhail Sergeev and Leonid Stolovich
Introduction by Leonid Stolovich

Copyright © 2011 by M. Sergeev and L. Stolovich
Copyright © 2011 by M•Graphics Publishing

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

Request for permissions to reproduce this book or portions thereof in any form should be e-mailed to: mgraphics.books@gmail.com

ISBN 978-1-934881-59-0

Library of Congress Control Number 2011924802

M•GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

Дизайн обложки: П. Крайтман © 2011

Фотография М. Сергеева на задней обложке — Виктор Велин.

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Философия в поэзии и поэзия в философии</i>	7
ЛЕВ КАРСАВИН	27
ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ	53
АЛЕКСЕЙ ЛОСЕВ	75
ЮРИЙ БОРЕВ	85
ЛЕОНИД СТОЛОВИЧ	103
ВЕЛИМИР ПЕТРИЦКИЙ	125
ВАДИМ РАБИНОВИЧ	143
ЕВГЕНИЙ РАШКОВСКИЙ	163
ЛАРИСА МАТРОС	181
ИГОРЬ КРЮКОВ	197
ТАТЬЯНА АИСТ	215
ГРИГОРИЙ БЕНЕВИЧ	235
МИХАИЛ СЕРГЕЕВ	255
СЕРГЕЙ ПИТАШ	273
ОЛЕСЯ КОЗИНА	287

ФИЛОСОФИЯ В ПОЭЗИИ И ПОЭЗИЯ В ФИЛОСОФИИ

18 ФЕВРАЛЯ 1802 ГОДА Гете писал Шиллеру: «Я провел очень хороший вечер с Шеллингом. Значительная ясность в сочетании со значительной глубиной всегда очень отрадна. Я бы чаще виделся с ним, если бы не надеялся еще на поэтические мгновения, ведь философия разрушает для меня поэзию тем, что насильно вводит меня в объект. Я вообще не могу мыслить чисто спекулятивно, поскольку тотчас же начинаю искать в каждом тезисе некое зрительное представление, и поэтому тотчас же ускользаю в природу»¹.

Следует ли из этого высказывания одного из величайших поэтов, что поэзия и философия — «две вещи несовместные»? Но ведь сам Гете был не только поэтом, но замечательным философским мыслителем в своей поэзии, не говоря уже о том, что он вошел и в науку как естествоиспытатель.

Фридрих Шиллер, который тоже был великим поэтом, но также, можно сказать, и профессиональным философом, отвечал своему другу 19 февраля: «Чрезвычайно любопытно то, что Ваша созерцательная натура столь удачно ладит с философией и постоянно черпает в ней энергию и силы; сомневаюсь, однако, что спекулятивная натура нашего друга [Шеллинга] сможет столько же перенять у Вашей, и причина тут кроется уже в самом существе дела. Ибо Вы берете из его идей лишь то, что соотносится с Вашими наблюдениями, остальное же не волнует Вас, ибо, в конечном счете, решающим для Вас оказывается объект, а не спекуляция, если их не удастся сочетать. Философа же должно чрезвычайно стеснять любое наблюдение, которому он не может найти места в своей системе, поскольку он абсолютизирует свои идеи»².

¹ И.-В. Гете, Ф. Шиллер. Переписка в двух томах. — М.: «Искусство», 1988, с. 372.

² Там же, с. 373–374.

Значит дело тут не в несовместимости поэзии и философии как таковых. Но несомненно то, что между ними существует важное различие не только по форме. Проявление в философии познавательной деятельности сближает ее с наукой. Это дает возможность существования в философии логико-рационального стиля, в котором научное знание с его рационалистичностью, системностью, логической доказательностью и обоснованностью становится интеллектуальным идеалом для многих выдающихся философов. По мере становления науки как особой формы человеческого познания и знания, многие философы стремились даже в изложении своих мыслей следовать принципам научности, образцом которых служили математические науки. Спиноза не только излагает «в геометрическом порядке» философию чтимого им Декарта, но в виде труда по геометрии пишет свою «Этику». Немало выдающихся мыслителей соединяло в себе мудрость философа с талантом ученого-исследователя (Декарт, Лейбниц, Ломоносов, Кант и т.д.), наука становится образцом для многих крупнейших философов, начиная с XVII века.

Философия, не только сциентистски-ориентированная, но и эстетически-образного и даже религиозно-мистического стиля, обращается для обоснования своих положений не к эмоциям, как искусство и религия, а к логике, к рациональности, хотя и разного типа, стремясь даже в иррациональном обнаружить нечто рациональное. Можно сказать, что идеалом (хотя часто и неосуществимым) философского мироотношения является спинозовский принцип беспристрастного и свободно-го исследования, принцип, заимствованный у математики: «я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать»³. В сфере же искусства не плакать и не смеяться — значит и не понимать.

Но философия не то же самое, что философ. Философ не только орган абстрактного мышления. Он — тоже человек, личность со всеми личностными свойствами, наделенная не только мышлением, но и эмоционально-духовным миром. Психолог Н. Т. Оганесян в статье «Терапевтические аспекты психологии поэтического творчества», опубликованной в «Журнале практической психологии и психоанализа», синтезирует

³ Спиноза Б. Избранные произведения в двух томах, т. II. — М., 1957, с. 288.

материалы по психологии художественного творчества, выделяет 18 причин, побуждающих людей писать стихи: Душевный покой; Душевная радость; Эмоциональное реагирование; Эстетические переживания; Поэзия как игра; Поэзия как лекарство от скуки; Поэзия как разделенное страдание; Поэзия как «оазис»; Поэзия как виртуальный мир; Поэзия как объективация страдания; Поэзия как магия; Поэзия как внушение; Поэзия как внутреннее движение; Поэзия как самопознание; Поэзия как стимул развития художественной компетентности; Поэзия как заменитель общения при одиночестве (разговор с самим собой); Поэзия как омолаживающий фактор; Поэзия как «мольба о бессмертии» (<http://psyjournal.ru/j3p/par.php?id=20020310>). Всё это обуславливает тягу философов и ученых к художественному, в частности, к поэтическому творчеству как к дополнению того, что им не достает в сфере основной профессиональной деятельности.

Передо мной книга «Музы в храме науки»⁴. В ней представлено стихотворное творчество многих русских ученых, начиная с М. В. Ломоносова. Тут и химики А. П. Бородин (автор знаменитой оперы «Князь Игорь») и Н. А. Холодковский (блестящий переводчик гетевского «Фауста»), один из создателей космической биологии А. Л. Чижевский, нейробиолог Д. А. Сухарев (Сахаров), генетик Н. П. Дубинин, авиаконструктор О. К. Антонов... Всего в сборнике стихотворения пятидесяти пяти ученых. Стихи не только известных поэтов, но и ученых опубликованы в книге «Поэтическая экология», составленная Ф. Р. Штильмарком. (Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1998). Такого рода сборников поэтического творчества ученых разных стран можно было бы составить множество. Отметим, что ученые, обращаясь к поэзии, воплощают в ней не столько специально-научные искания, а свои философские размышления о жизни, о космосе, о человеческом познании и знании.

Что касается философов, то их обращение к поэзии носит особый характер.

Специфическая особенность философии как формы человеческого сознания, на мой взгляд, заключается в том, что она «располагается» между двумя полюсами таких видов человеческой деятельности, как *познавательная* и *ценностно-ориента-*

⁴ Музы в храме науки. Сборник стихотворений. 2-е изд./Составитель, автор предисловия проф. В. Ф. Ноздрев. — М.: «Советская Россия», 1988.

ционная. Между этими полюсами находятся и другие формы сознания: наука, религия, искусство, тяготея или к познавательной деятельности, как наука, или же к ценностно-ориентационной деятельности, как религия. Искусство же, подобно философии, включает в себя оба вида деятельности. Взаимодействие философии с другими формами сознания проявляется в том, что в самой философии существуют различные стили: *логико-рациональный, эстетически-образный и религиозно-мистический.*

Ориентация на научное знание, так сказать, сциентизация философии, не есть единственная тенденция развития философской мысли. Со времени своего возникновения философия развивалась также в *эстетико-художественном ключе.* Это проявлялось и в обращении к художественно-образному строю мыслей, предполагавшему поэтическую и драматическую форму изложения, как у Ксенофана и Парменида, Платона и Лукреция Кара, в «Утопии» Томаса Мора и «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше, в пьесах Сартра и романах Камю. Тяготение философии к художественному творчеству выразилось не только в эстетичности философии, в образовании философии искусства и красоты — эстетики, но и в философичности самого искусства, сотворившего «Божественную комедию» Данте и «Человеческую комедию» Бальзака, «Фауста» Гёте и «Доктора Фаустуса» Томаса Манна, жанры философского романа и философской лирики. Для понимания русской философской мысли очень важно иметь в виду ее проявление в жанрах философского романа и философской лирики. Великие романисты Достоевский и Лев Толстой, замечательные поэты Державин, Баратынский, Тютчев, не говоря уже о Пушкине, должны рассматриваться не только в истории русской литературы, но и в истории русской философии. Таким образом, связь философии с ценностно-ориентационной деятельностью делает возможным взаимодействие философии с искусством и порождает *эстетически-образный стиль* самой философии.

Занимая промежуточное положение между объективным познанием и субъективно-личностной оценочной деятельностью, сама философия не безлична, подобно результатам научных открытий. Философская система, как и художественное произведение, выражает индивидуальность ее творца. Поэтому первоначальная типология философских направлений определяется именами философов — основоположников тех или иных

направлений: платонизм, аристотелизм, эпикуреизм, томизм, картезианство, Спинозизм, кантианство, шеллингианство, гегельянство, марксизм и т.п.

Эстетические и художественные ценности, оценочное к ним отношение — предмет философской рефлексии со времени возникновения философии. Искусство воздействует на философскую мысль через эстетику и этику, поскольку воплощает в себе эстетическое и моральное сознание эпохи. Но помимо этого, художественное познание мира, сопряженное с непосредственно ценностным его освоением, — неоценимый материал для философского мышления, по которому оно не только реконструирует прошлое, осознает настоящее, но и ощущает симптомы будущего. Критическая интерпретация художественных текстов, герменевтическое их истолкование — одна из форм развития философии. Невозможно представить европейскую философию без античной художественной культуры. Общеизвестно значение Достоевского для многих мыслителей XX столетия. Но при этом нельзя забывать, что сама интерпретация обусловлена философско-методологическими принципами интерпретатора и что художественное произведение не сводится к философскому «эквиваленту» и не делится на философию «без остатка».

Ценностная ориентированность и философии, и искусства, несмотря на специфическое ее преломление в каждой из этих форм общественного сознания, является основой их взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения. В философии вырабатываются ценностные критерии, с которыми не может не считаться искусство. При этом ценностные критерии в виде идеалов разрабатываются одновременно, хотя и «с разных сторон», как философией, так и искусством. Философская проблематика всегда привлекала внимание выдающихся деятелей искусства. И дело не только в том, что они обращались к философии и сами писали философские и эстетические трактаты, становясь тем самым философами, как Петрарка, Руссо, Дидро, Лессинг, Хогарт, Шиллер, Герцен, Толстой, Унамуно, Сартр, Камю. Великие художественные творения ставили и по-своему решали коренные проблемы человеческого бытия, смысла и ценности жизни людей. Античная трагедия, «Божественная комедия» Данте и «Человеческая комедия» Бальзака, шекспировский «Гамлет» и «Фауст» Гете, романы Льва Толстого и Томаса Манна, скульптура и фрески Микеланджело и живо-

пись Андрей Рублева, музыка Баха, Бетховена, Шостаковича — всё это великое искусство и одновременно художественно-образная философия.

Понятие «художественно-образная философия» может показаться *contradictio in adjecto*. Ведь философия царит в сфере абстрактных понятий и идей и, казалось бы, какая бы то ни было образность ей противопоказана. Даже в мире ценностей ее, прежде всего, интересует *теоретическое* постижение их сущности. И тем не менее, реальная история философской мысли показывает, что она отнюдь не безлика, что она и самой сущностью ценностного отношения занимается не как самоцелью, а стремясь, в конечном счете, направить ценностную ориентацию людей в определенное русло. Вот почему философ нередко апеллирует к образам искусства, видя в них воплощение своих мыслей. В «Феноменологии духа» Гегеля мы находим ссылки на Софокла, Аристофана, Шекспира, Дидро, и заканчивается это, наверное, самое философское из всех философских произведений стихами Шиллера.

Существуют такие формы творчества, в которых органически сливаются наука и искусство — художественно-научная литература и кино. Эти формы синтеза науки и искусства были метко названы «кентавром»⁵. Может быть для произведений, в которых нерасторжимое единство образуют философия и искусство, подошло бы наименование «сфинкс»? Для их создания необходимо счастливое сочетание талантов мыслителя и художника. Движение к синтезу может быть и с той и с другой стороны. В результате его возникает философия-искусство и искусство-философия. Но и в своем раздельном существовании они равно необходимы друг для друга и для жизни человеческого духа.

Талант, как заметил Шолом-Алейхем, как деньги: если он есть, то есть, а если его нет, так нет. Не все философы наделены поэтическим даром, да и мера его у разных людей разная. Философы пишут стихи, воплощая в них те стороны своей человеческой личности, которые не уместятся в «прокрустово ложе» философских абстракций, но также и для того, чтобы эти абстракции перестали быть только абстракциями. Подтверждением этого является поэтическое творчество русских философов. Разумеется, поэтическое творчество было дополнением к философской деятельности не только у русских филосо-

⁵ См. Данин Д. Перекресток. Писатель и наука. — М., 1974, с. 15, 43, 53.

фов. В этой связи можно вспомнить имя *Ницше*, не говоря уже о многих античных философах.

В русской поэзии первой половины XIX столетия утвердилась традиция философской лирики. Она шла от М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина к А. С. Пушкину, Е. А. Баратынскому, Ф. И. Тютчеву. Но наряду с *поэтами-философами*, по мере развития самой философской мысли появляются *философы-поэты*. В этом отношении примечательна деятельность московского философского кружка «Общество любомудрия», особенно его секретаря *Дмитрия Владимировича Веневитинова* (1805–1827) — теоретика кружка и в то же время талантливого поэта, выразившего в своих стихах его программные основания⁶. *Алексей Степанович Хомяков* (1804–1860) был дружен с Д. В. Веневитиновым (они даже соревновались в стихотворстве), хотя и не входил в «Общество любомудрия». В конце 30-х годов А. С. Хомяков вместе с И. В. Киреевским становится основателем славянофильского движения. Будучи, несомненно, крупным мыслителем-философом, а также занимаясь многими практическими делами от сельского хозяйства до врачевания, А. С. Хомяков вошел в историю русской литературы как самобытный поэт, поэтический дар которого ценил сам Пушкин, писавший: ««Ермак» А. С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драматическое. Успехом своим оно обязано прекрасным стихам, коими оно писано»⁷. В 1969 г. в «Библиотеке поэта» (большая серия, второе издание) вышел почти 600-страничный том А. С. Хомякова «Стихотворения и драмы». В обширной вступительной статье к этой книге Б. Ф. Егоров тщательно описал и проанализировал поэтическое творчество философа-славянофила, показав, как в его стихах выразились его личностные свойства и его философские воззрения не без потерь для собственно поэзии. Исследователь отмечает такую особенность поздней хомяковской лирики — «ее логизированность, схематизм, обдуманность» и приводит слова самого Хомякова из письма 1850 г.: «без притворного смирения я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, то есть прозатор везде проглядывает и следовательно дол-

⁶ См. *Гинзбург Лидия*. Опыт философской лирики // *Гинзбург Лидия*. О старом и новом. Статьи и очерки. — Л., 1982.

⁷ *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в десяти томах. VI. — М., 1981, с. 114. См. там же, с. 148. Отношение А. С. Пушкина к поэтическому творчеству А. С. Хомякова рассматривалось в статье В. А. Кошелева «Пушкин и Хомяков» (<http://Номыakov.Ouc.Ru/Pushkin-I-Homakov.Html>).

жен наконец задушить стихотворца», в то же время, по его словам, Тютчев «насквозь поэт <...>. У него не может иссякнуть источник поэтический»⁸.

Стихи составляют важную часть творческого наследия великого русского философа Владимира Соловьева. В предисловии к своему сборнику стихов «Стихотворения», изданному в 1891 г., Вл. Соловьев заметил, что «не злоупотреблял своею способностью к версификации и не сочинял стихов без внутреннего побуждения»⁹. В стихах философа широкий диапазон. У него есть и интимная лирика, и лирика пейзажная, и шуточные стихотворения, и переводы западных и восточных поэтов, в которых переводчик находил свое второе «я», и политическая лирика (например, стихотворение «Панмонголизм»), и собственно философская. Без поэтического творчества Вл. Соловьева было бы не воссоздать личности замечательного мыслителя. С другой стороны, нет сомнения, что философское начало составляет ядро этой личности, хотя порой не все его стихотворения полностью стыкуются с философскими воззрениями. Как отмечает З. Г. Минц, «изображение принципиально двупланово: оно имеет и интимно-психологический и общефилософский аспекты». Притом, подчас возникает противоречие между философски декларированной позицией (в том числе и в самих стихах) и поэтическим прозрением. Так «возникает то объединение тем Вечной Женственности и реальной, земной страсти, а подчас и рождение первого из этих мотивов во втором, которое не только шокировало религиозных интерпретаторов Соловьева, но, пожалуй, смущало и самого поэта, толкая его к объяснениям перед читателями, критикой и... самим собой»¹⁰. Исследователь поэзии философа справедливо полагает, что «противоположные тенденции в соловьевском творчестве часто сосуществуют»¹¹.

Как бы в полемике со Спинозой, утверждавшим, что надо не плакать, не смеяться, а только понимать, Вл. Соловьев осо-

⁸ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. *Вступительная статья, подборка и примечания Б. Ф. Егорова.* — Л., 1969, с. 47.

⁹ Сборник «Стихотворения» факсимильно воспроизведен в книге: Соловьев Владимир. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. — М.: «Книга», 1990.

¹⁰ Минц З. Г. Владимир Соловьев — поэт // Блок и русский символизм. Избранные труды в трех томах. Поэтика русского символизма. — СПб.: «Искусство-СПБ», 2004, с. 294.

¹¹ Там же, с. 295.

бенно в своей поэзии подымает плач и смех до метафизических высот:

Таков закон: всё лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано¹².

Ирония философа-поэта в самоэпитафии не щадит самого себя (и не только):

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом.
Сперва был философ.
А нынче стал шкилетом.
Иным любезен быв,
Он многим был и враг;
Но без ума любив,
Сам ввергнулся в овраг.
Он душу потерял,
Не говоря о теле:
Ее диавол взял,
Его ж собаки съели
Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера¹³.

А в автопародии мы читаем:

Вотще! Не проживешь стихами,
Хоть как свинья будь плодовит!
Торгуй, несчастный, сапогами
И не мечтай, что ты пиит¹⁴.

¹² Соловьев Владимир. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. — М., 1990, с. 31. Почти все биографы и исследователи творчества Вл. Соловьева отмечают его необычайное чувство юмора, смешливость и остроумие. А.Ф. Лосев писал, что соловьевская мистика была «жизнерадостной, жизнелюбивой <и даже юмористической>» (Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. Второе издание. — М.: «Мысль», 1994, с.186).

¹³ Соловьев Владимир. «Неподвижно лишь солнце любви...», с. 70–71.

¹⁴ Там же, с. 99.

Певец мистической Софии и земной любви, иронично-смешливый и трагически-серьезный Вл. Соловьев вошел в историю не только русской философии, но и поэзии, став предтечей русского символизма, олицетворенного гениальным Блоком.

Историк культуры и религиозный мыслитель *Лев Платонович Карсавин* был тоже поэтом. Он — автор «Поэмы о смерти» (1931). Уже находясь в советском лагере у Полярного круга, Карсавин пишет «венок сонетов», поэтически выражающий его метафизику Всеединства. «Венок сонетов» — сложнейшая поэтическая форма, состоящая из 14 сонетов (2 четверостишия, связанные единой рифмовкой, и 2 трехстишия), в которых каждая последняя строка предыдущего сонета становится первой строкой следующего сонета. Из этих первых — последних строк складывается 15-ый, «магистральный сонет». Обращением к форме «венка сонетов» Карсавин, по мнению автора этих строк, наглядно показывает модель понятия «стяженное единство», которое, по Карсавину, образует единство мира — гармоническое единство многих «моментов» (или «качеств»). Ведь «магистральный сонет» и образует «стяженное единство» всех сонетов и в то же время он растворен в каждом из «моментов» (или «качественный») всех других сонетов.

Если моделью «стяженного всеединства» может служить литературная форма «венка сонетов», то временное развертывание *Всеединства* через *триединство* наглядно представляется стихотворной формой «терцин», к которой также обратился Карсавин в последний, лагерный период своего творчества. В «терцинах» (ими написана «Божественная Комедия» Данте) рифмовка первой строфы *aba* переходит в рифмовку второй *bcb*, вторая — в рифмовку третьей *cdc*, третья — в рифмовку четвертой *ded* и т. д. «Терцины» как бы предполагают реализацию Всеединства во времени, движение Абсолютного в тройственном ритме. В содержании же своих «терцин» философ-поэт стремится выявить метафизическую диалектику Творца и Творения¹⁵.

«Венок сонетов» и «терцины» Л. П. Карсавина были опубликованы только через 20 лет после его кончины в «*Вестнике рус-*

¹⁵ О связи поэзии Л. П. Карсавина с его религиозно-философскими воззрениями см. подробнее в книге: *Л. Н. Столович «История русской философии. Очерки»* (М.: «Республика», 2005, с. 220–222).

ского студенческого христианского движения» (Париж — Нью-Йорк, № 104–105, 1972 г., с. 298–318) и перепечатаны в еще ленинградском журнале «Звезда» (1990, № 12). Они воспроизводятся в предлагаемой читателю философско-поэтической антологии.

В антологии представлены стихи и *Павла Александровича Флоренского*. Среди его многих «ипостасей» — священник, богослов, философ, инженер-изобретатель, математик, ученый — существует и еще одна: он был также поэтом. В 1907 г. в Сергиевом Посаде издан был сборник его стихов «В вечной лазури». Он — автор поэмы «Эсхатологическая мозаика» (1904)¹⁶, поэмы «Святой Владимир». Находясь в заключении в Забайкалье и на Соловках, он в 1934–1937 гг. писал лирическую поэму «Оро», которую не окончил¹⁷. Впервые свои стихотворения Флоренский опубликовал в символистских журналах «Новый путь» и «Весы». Символистская ориентация поэзии Флоренского не вызывает сомнения¹⁸. Стихи его в основном носят религиозно-мистический характер. Вместе с тем живым чувством пронизаны стихи Флоренского для сына Мики, написанные в поэме «Оро»:

Текли печальные года.
Но никогда, но никогда
Тебя
 не забывал отец,
 Мой хрупкий маленький птенец.
Себе я сердце
 разорвать
Готов был, только б мир и гладь
Тебя окутали.¹⁹

¹⁶ П. А. Флоренский. Эсхатологическая мозаика. Часть вторая // Контекст. Литературно-теоретические исследования. 1991. — М.: «Наука», 1991, с. 68–92.

¹⁷ П. А. Флоренский. Оро. Лирическая поэма. 1934–1937 гг. Документы, отрывки из переписки с семьей. Рисунки./Составление, общая редакция и художественная концепция книги П. В. Флоренского и А. И. Олексенко. — М.: Институт учебника Paideia, 1997.

¹⁸ См. кн.: Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка/Составление, подготовка текста и комментарии Е. В. Ивановой. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

¹⁹ <http://antology.igrunov.ru/authors/Florensky/1085583699.html>

В антологии публикуются также стихи «последнего классика» русской философии *Алексея Федоровича Лосева*, которые он сам не видел напечатанными. По свидетельству Е. А. Тахо-Годи, «в много раз гибнувшем архиве Лосева уцелела общая в линейчку серая ученическая тетрадь, а в ней два десятка стихотворений 1942–1943 годов». Стихам Лосева присуща эмоциональность и страстность, свойственная его философским трудам (последняя, подготовленная им книга названа была им «Страсть к диалектике») и художественной прозе.

Ум — не рассудок, не скелет
 Сознания духа и природы.
 Ум — средоточие свободы,
 Сердечных таинств ясный свет.

Основную часть антологии составляют стихи профессиональных философов России советского и постсоветского периода ее истории. В сборник включены также авторы стихотворений, проживающие в настоящее время вне своей исторической родины.

В советское, как и в предшествующее время, существовала и существует русская поэзия, в которой философское начало было присуще многим поэтам, разумеется, в разной мере. У *Андрея Белого*, своими статьями и эссе вошедшего в историю русской философии, у *Бориса Пастернака*, приобщенного к высшей школе Марбургского неокантианства²⁰, у *Максимилиана Волошина*, долгие годы не имевшего возможность публиковать на родине свои стихи, у *Николая Заболоцкого*, у *Леонида Мартынова* и др. философские идеи пронизывают многие произведения, а подчас поэтически-образно трактуются различные аспекты философской мысли. В подцензурной советской поэзии возможно было поэтическое обсуждение таких «вечных вопросов», как «человек и природа»²¹, «жизнь и смерть», «мужчина

²⁰ О занятиях Б. Пастернака философией см. Fleishman, Lazar. Boris Pasternaks Lehrjahre/Lazar Fleishman, Hans-Bernd Harder, Sergei Dorzweiler. — Stanford, 1996; Лазарь Флейшман. Занятия философией Бориса Пастернака // Лазарь Флейшман. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. — М.: «Новое литературное обозрение», 2006, с. 400–520.

²¹ Обзор поэзии на эту тему см. в книге Г. В. Филиппова «Русская советская философская поэзия. Человек и природа» (Л.: Издательство Ленинградского университета, 1981).

и женщина», природа красоты и искусства, сила любви, многие этические проблемы. В осмыслении этих вопросов поэт мог быть вне господствующей идеологии, не вступая с ней в открытый конфликт. То же, что прямо выходило за границы идеологически дозволенного, например, религиозное мироосмыление или непринятие советского миропорядка, могло существовать только написанное «в стол» (по словам поэта и искусствоведа Льва Мочалова, «бесславно, втихомолку, заживо мы в ящиках столов погребены»²²).

Многие попытки изложить стихами марксистско-ленинскую философию, даже искренне верующими в нее поэтами, не увенчивались творческими успехами, будучи лишь образными иллюстрациями готовых тезисов, видом «наглядной агитации». В этом занятии не спасал даже великий поэтический талант, которым, несомненно, обладал *Маяковский*, наступавший, по его словам, «на горло собственной песне».

Философия в поэзии часто выражается через образно-афористические формулировки. Ведь афоризм — философский жанр литературы. По формуле поэта и философа *Вл. Микушевича*, «афоризм — это краткое изречение, мудрость которого не нуждается в доводах»²³. Афористические определения красоты в поэзии являются своеобразной *поэтической эстетикой*, как, например, в формуле Александра Блока:

Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
(«Возмездие»)

или в двестишии Осипа Мандельштама:

...красота — не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.
(«Адмиралтейство»).

Николай Заболоцкий поэтически образно определил один из основных вопросов эстетики:

²² Цитирую по авторской рукописи, находящейся в моем архиве.

²³ Владимир Микушевич. Проблески. — Таллинн: «Aleksandra», 1997, с. 179.

...что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
«Некрасивая девочка».

Стихи писали и пишут профессиональные философы. Обладая разной мерой таланта и поэтического мастерства, они в своих стихах часто находили отдушину от той философии, которой занимались «по службе». Конечно, образцом для философов-поэтов было творчество поэтов-философов или просто поэтов.

Передо мной сборник «Волхонка. 14. Стихотворения» (редактор-составитель М. М. Новосёлов — автор книги «Абстракция в лабиринтах познания»), изданный в Москве в 1995 г. в количестве 500 экземпляров. Волхонка. 14 — это адрес Института философии Российской Академии наук. В нем опубликованы стихи не только сотрудников этого Института, но также Института человека и Кафедры философии Российской Академии наук. Стихи, вошедшие в сборник, несут на себе отпечаток профессиональных занятий их авторов. В своих стихах, написанных не только тогда, когда «всё позволено», они позволяют себе такие философские «вольности», за которые им грозило бы, если и не увольнение с работы, то уже точно «персональное дело». Теперь уже можно, ничего не опасаясь, заявить:

«ведь время —
это Я» (Александр Карпенко, с. 75).

В немалом числе стихотворений звучат религиозные мотивы. Валерий Коваленко свой сонет озаглавил «России нужен Бог». Вот его последнее трехстишие:

Без покаянья, без сердечных слез,
Отныне нет и быть не может грез,
Горячих грез о будущем спасенье.

Поэтический смысл стихотворения выражен не только в его содержании, но и в его форме. Поэт-философ написал не просто классический сонет, что уже само по себе требует поэтического мастерства, но сонет-акrostих, т. е. стихотворение, в котором первые буквы строк читаются как сами слова, в данном случае название стихотворения: **России нужен Бог.**

Но, как заметил *Александр Карпенко*, «жив человек не логичной единой/Хотя она царица на Земле» (с. 78). И философам ничто человеческое не чуждо. Они пишут о временах года, о полюбившихся им местах, о любви, о любимой, об искусстве, о сгустках культуры. Как бы на машине времени они путешествуют в «глубины истории» (А. Ф. Лосев).

К сожалению, в сборник «Волхонка. 14. Стихотворения» не вошли стихи также работающего в этом доме доктора философских наук *Эрика Юрьевича Соловьева* — не только талантливого философа, но и очень одаренного поэта. Его остроумнейшие стихи и песни, памятные философам в 60–80 годах, к сожалению, в значительной мере до сих пор не опубликованы²⁴. В 1995 г. в Екатеринбурге вышел литературный труд, включающий и стихотворные тексты, замечательного философа-острослова *Константина Николаевича Любутина* «Выбранные места из перепалки с друзьями». В выходных данных значится: «Бесплатно. Объем максимум. Тираж минимум». Нельзя не отметить, что философы-поэты внесли важный вклад в создание «карнавала» (по Бахтину) — народной смеховой культуры, которая была отдушиной в новом средневековье «реального социализма».

Стихи пишут представители различных профессий. Не сомневаюсь, что, например, бухгалтер в свободное от работы время может отдаваться поэтическому творчеству. Почему бы не издать сборник стихов бухгалтеров? Что можно возразить против этого? Поется же в одной из песен: «Бухгалтер, милый мой бухгалтер...».

Своеобразным мериллом родства понятий является возможность создать, по формулировке проф. *Б. Ф. Егорова*, «зеркальный перевертыш»²⁵ типа «Философия в поэзии и поэзия в фи-

²⁴ Одна из немногих поэтических публикаций Эрика Соловьева — поэма «Я — Журнальная статья», посвященная прохождению статей через редколлегия журнала «Вопросы философии», судьба которых решалась борением полярных и промежуточных сил: с одной стороны, неосталинистами, типа Б. С. Украинцева (на обсуждении в 1961 г. статьи основателя кибернетики Норберта Винера он задал исторический вопрос: «А кто может поручиться, что статейка эта не заслана нам Пентагоном?»), и, с другой — философскими шестидесятниками. См. «Среда», Русско-Европейское журналистское обозрение (Москва), 1996, № 9–10, с. 45–49.

²⁵ Б. Ф. Егоров. Эстетик, поэт и один из создателей философской ауры в Тарту (к 75-летию проф. Л. Н. Столовича) // «Академические тетради», Москва: Независимая Академия эстетики и свободных искусств, 2007, № 12, с. 122–123.

лософии» или «Наука в поэзии и поэзия в науке». Такие «зеркальные перевертыши» раскрывают новые грани в связях между явлениями и дают возможность более тесно связать между собою «оборачиваемые» понятия, образующие своеобразную симметрию.

Можно, конечно, «обернуть» бухгалтерию и поэзию, в результате чего получается «зеркальный перевертыш»: «Бухгалтерия в поэзии и поэзия в бухгалтерии». «Бухгалтерией в поэзии» можно, по-видимому, назвать создание частотных словарей поэтов или подсчет ритмических конструкций, или, шире, — то, о чем говорил пушкинский Сальери: «Поверил я алгеброй гармонию». О поэзии же в бухгалтерии могут знать только бухгалтеры. И всё же, сборники стихотворений философов, как и ученых (вспомним книгу «Музы в храме науки»), имеют особый смысл благодаря близким родственным связям философии и науки, с одной стороны, и поэзии, с другой, о чем свидетельствуют и их «зеркальные перевертыши» — «Философия в поэзии и поэзия в философии».

В «Вестнике Российского философского общества» существует специальный отдел (его ведет философ и писатель-фантаст Александр Васильевич Кацура), в котором публикуется стихотворное творчество философов. В «Трудах» и «Записках» различных университетов и институтов, в материалах философских и социологических конференций также порой печатались стихи философов. Так, осенью 1968 года в эстонском поселке Кяэрику на спортивной базе Тартуского университета состоялась встреча социологов на тему: «Личность и массовая коммуникация», а в 1969 году вышел сборник с материалами этой конференции: «Kääriku — Кяэрику III», в котором был уголок юмора со стихами философов и социологов. В 2002 г. в издательстве Саратовского университета вышла небольшая книжечка: «Аскин Яков Фомич. Творческий портрет философа». В ней, помимо записей из дневника, есть поэтический раздел «И слово щедрое взрастет...», где опубликованы стихи философа Якова Аскина (1926–1997). Возможно, существуют и сборники такого рода стихотворений, неизвестные пишущему эти строки.

Достоинно внимания психологии философского творчества то, что среди профессиональных философов, как в прошлом, так и в нынешние дни, имеются такие люди, для которых жизненно необходимо дополнение философии поэзией. Именно *дополнение*, а не подмена философии поэзией или поэзии философией.

Поэзия, как известно, не делится на философию «без остатка», а превращение философии в полупоэзию означает утрату специфических особенностей философской мысли, превращение ее в «соотношение неопределенностей» (разумеется, не в физико-теоретическом смысле).

Конечно же, способность и потребность к художественному творчеству, в частности к поэзии, не является ни свидетельством особой собственно философской одаренности, ни, наоборот, показателем недостатка такой одаренности, своего рода «комплекса неполноценности», побуждающего компенсировать поэзией недостаток логического воображения в специально философской сфере. Платон, обладавший, несомненно, поэтическим талантом, вполне равновелик как философ Аристотелю, превосходному знатоку теории поэзии, но не замеченному в особом стремлении к поэтической практике, как и Кант или Гегель.

Многие философы пишут стихи в силу внутренней потребности в поэтическом творчестве, не стремясь к их публикации по разным причинам. В моем архиве немало стихотворных строк коллег, написанных «для себя», в том числе социолога и философа *Льва Наумовича Когана* (1923–1997). Но среди философов есть и те, что публикуют свои стихотворные произведения не только в газетах и журналах, но и в собственных сборниках²⁶.

Изучая миропонимание и личность философа, причастного к поэтическому и вообще художественному творчеству, нельзя игнорировать это творчество, в котором могут воплощаться как его собственно философские идеи, подчас дополняющие или даже противоречащие его идеям в ином изложении, так

²⁶ См., например, сборники стихотворений Вадима Рабиновича «В каждом дереве скрипка» (М., 1978), «Фиолетовый грач» (1988), «Двадцать один сюжет для жалейки, эха и бубенца» (М., 1995), Юрия Линника «Основа» (Петрозаводск, 1979, «Смятенье» (Петрозаводск, 1989), «Аура» (Петрозаводск, 1995), «Звездное небо» (Петрозаводск, 1995), «Иномир» (Петрозаводск, 1995), «Космос сонета» (Петрозаводск, 1995), «Храм» (Петрозаводск, 1996) и др.; Евгения Рашковского «Странное знание» (М., 1999), «На сбивчивом языке. 101 зарисовка в пути» (М., 2005), «По белу свету» (М., 2007); Велимира Петрицкого «У времени в плену. Из пяти книг» (СПб.: 2006); Олеси Козиной «Выбор» (Ульяновск, 2000), «Формы. Выбранное» (Ульяновск, 2000), «Аз Есьмь» (Ульяновск, 2003); Леонида Столовича «Стихи и жизнь. Опыт поэтической автобиографии» (Таллинн, 2003), «Размышления: Стихи. Афоризмы. Эссе» (Tallinn — Tartu, 2007), в Интернете: <http://lepo.it.da.ut.ee/~stol/Poems.htm>

и личностные качества. С другой стороны, стихи талантливых поэтов философской ориентации должны включаться в контекст историко-философской мысли²⁷. Что же касается включения стихов философов в историю литературы, то это поле деятельности литературоведов и литературных критиков, у них уже накоплен большой опыт отделения зерен поэзии от плевел графоманства.

Авторы и составители предложенной Вам, читатель, антологии надеются на то, что их труд расширит представление о поэтическом творчестве профессиональных философов, которые могут сказать о себе вместе с Теренцием:

«Homo sum et nihil humani a me alienum puto» —

«Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо»²⁸.

Л. Н. Столович

²⁷ Таковую попытку предпринял автор этих строк в статье «Максимилиан Волошин в контексте истории русской философии (К 130-летию со дня рождения М. А. Волошина)» («Вопросы философии», 2008, № 3, с. 138–147).

²⁸ См. Теренций. Самоистязатель // Теренций. Комедии. — М.: «Искусство», 1988, с. 91. «В тексте фраза эта имеет иронический характер: один приятель упрекает другого в том, что он вмешивается в чужие семейные дела и занимается сплетнями, не думая о собственном доме. На это другой и возражает: homo sum etc. С течением времени первоначальный иронический смысл изречения утратился, и оно употребляется для характеристики людей с широким умственным кругозором и сильно развитым интересом к человеческой жизни во всех ее проявлениях» (http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Homo_sum,_hum%D0%B0ni_nihil_%D0%B0_m%D0%B5_%D0%B0li%D0%B5num_%D1%80out%D0%BE).

Поэзия русских
философов
XX века

ЛЕВ КАРСАВИН

Лев Платонович Карсавин (1882–1952) — историк религиозной мысли Средневековья, религиозный мыслитель, разрабатывающий, как и его предшественники, русский вариант *философии всеединства*. Он родился в семье замечательного артиста балета Платона Карсавина (1854–1922). Знаменитая русская балерина Тамара Карсавина (1885–1978) была сестрой историка и философа. Мать Льва Карсавина — Анна Иосифовна была дочерью двоюродного брата А. С. Хомякова и до замужества носила эту же фамилию... В жизни и трудах Карсавина как бы слились воедино художественный артистизм отца и религиозно-духовные хомяковские традиции, которые культивировала мать. Способный к тончайшим логическим рассуждениям в духе схоластики Карсавин в то же время был поэтической натурой: он писал стихи, не чуждался литературных мистификаций, написал лирико-философский трактат о любви («Noctes Petropolitanae», 1922) и «Поэму о смерти» (1931).

Л. Н. Столович

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

Ты мой творец твоя навек судьба я.
Подъемлюся, несмело прозябая.
Терплю я зной и снежную пургу.
Бессилен я. Былинкой на лугу

Все пригнетает долу вьюга злая,
Грозится мне, клубя сырую мглу.
Но, знаю, я спасти Тебя могу,
Хотя — как Ты, творец мой: погибая.

Ведь Ты умрешь, в цветении моем
Всем став во мне, и всем — как только мною.
Тогда восстанет жизнь моя иною:

Уж умирает я мое; и в нем
Как пчелы, все кишит, себя роя,
Дабы во мне восстала жизнь твоя.

2

Дабы во мне воскресла жизнь Твоя
Живу, расту для смерти бесконечной.
Так Ты, любовный умысел тая,
Подвинулся на жертву муки вечной.

Не ведал Ты: приять хочу ли я
Всю смерть Твою для жизни быстротечной
Постигну ль жизнь, ленивый и беспечный
Нет, Ты не знал, безмолвно кровь лия.

Воскреснешь Ты, найдя в конце начало,
Когда умру, Умершего прияв,
Начальность превзойдя. Двукрат неправ

Кто тщится вырвать вечной смерти жало.
Мудрее Ты, чем древляя змия:
Небытный. Ты живешь во мне, как я.

3

Небытный, Ты в Себе живешь как я.
Тобой я становлюсь ежемгновенно.
Что отдаю, меняясь и гния
Все было мной. А «было» неотменно.

Стремлюсь я, как поток себя струя;
И в нем над ним покоюсь неизменно.
Весь гибну — возникаю. Переменна,
Но не полна, ущербна жизнь сия.

Нет «есть» во мне, хоть есмь мое движенье.
Нет «есть» и вне — все есмь как становленье
Страшит меня незрящей ночи жуть.

Бойтся смерти мысль моя любая,
Бессильная предела досягнуть.
Ты свой предел — всецело погибая.

4

Свой Ты предел. — Всецело погибая,
Всевечно Ты в не сущий мрак ниспал.
Небытием Себя определяя,
Не Бытием, а Жизнью Ты стал.

Ты — жизнь-чрез-Смерть, живешь лишь умирая.
Но нет небытия. — Меня воззвал,
И я возник, и я Тебя приял,
Я, сущий мрак у врат закрытых рая.

А ты не мрак, Ты — Жертва, Ты — Любовь.
Во мне, во всем Твоя струится кровь.
Да отжену отцов своих наследство,

Тьму внешнюю (небытность ли ея)!
Тьмы внешней нет, а тьма моя лишь средство.
Во тьме кромешной быть могу ли я?

5

Могу ли в тьме кромешной быть и я?
— Мне кажется: в бездействии коснея,
Недвижного взыскуя бытия,
Себя теряю, растворяюсь в ней я.

Мне сладостны мгновенья забытья,
Когда во тьме мне зрится свет яснее.
Но где тогда: во тьме или во сне я?
Не меркнет свет во мгле бытъя-житъя.

Томлюся я бессилием желанья.
Своей я тьмы, себя не одолел
Воздвигнуть мню — смешное подражанье! —

Нас посреди сомнительный предел.
Но эта тьма во мне, то тьма моя.
Где мой предел, раз нет небытия?

7¹

И тьма извне Тебя не охватила,
Не рвется в глубь Твою деля. Зане
Ни тьмы, ни света нет Тебя во мне,
Предела не имущее Светило.

¹Шестой сонет в рукописи отсутствует.

Небытие Тебя не омрачило:
Поскольку умер Ты — живешь во мне.
Но не живу всегда я и вполне.
В Тебе все есть, что будет и что было.

Во мне нет «будет», «были» ж побледнели.
Измыслил я существенную тьму.
Не видную острейшему уму.

И оттого, что далеко от цели,
Противочувствий отдаюсь гурьбе.
Ты — свет всецелый. Мрака нет в Тебе.

8

Ты — свет всецелый, свет без тьмы в себе.
Всеблаго Ты, без зла малейшей тени.
Но тьма и зло бегут, как тени две
Пред светом блага и скудости лишений.

Во мраке светит Свет. Добро в резьбе
Зловещей то, что есть. В огне сомнений
Родник мы обретаем откровений,
Свою свободу — следуя судьбе.

И зло и тьма лишь Блага недостаток.
Но Блага в них таинственный начаток.
Ненасытимой свойственный алчбе.

С Тобой — страшусь, но чаю! — сочетанья.
Так двоечувствию Твое сиянье
Является в согласье и борьбе.

9

Являешься в согласие и в борьбе
Ты, Всеединый. Мощью отрицанья
Создав, влечешь до полного слиянья
Врагов, покорных творческой волшбе.

Пусть они не слышат заклинанья
Страстей своих в бессмысленной гульбе.
Пусть не думают, не знают о Тебе.
Через них и в них Твое самопознание.

Незнаем Ты без них и без меня.
Один Ты нам безумная стихия.
Вотще, вотще шумит логомахия

В искании первичного огня!
В разъяренье тварь Тебя не истощила:
Безмерная в Тебе таится сила.

10

Безмерная в Тебе сокрыта сила
Испил Ты смерти горестный финал,
Да буду я. Собою Ты дерзал.
Не смерть в борежье этом победила.

Над бездной я, где смерть Ты, Бог, познал
Близка, страшна холодная могила.
Застывший гнусен черепа оскал.
Но мне Любовь из бездны озарила

Высокий путь в надзвездные края:
Тобой кто будет — есть, а буду — я.
Какой ценой? — На крестном ввысь столбе

Распятое Твое возносят тело.
Ждет — не дождется мук оно предела
И движется, покорное Судьбе.

11

И движется, покорствуя Судьбе,
Которая моей свободой стала,
Иманозль со мной. Меня ни мало
Он не неволит: в сыне, не в рабе!

Колблюсь: может, призрак на тропе
Высокой он? и лишь меня прельщало
Любви моей обманное зеркало?
Не верится ни Богу, ни себе.

Но зов Судьбы — Любовь. Судьбой одну
Нерасторжимо связан Ты со мною.
Концом Ты тьмы начало утвердил,

И стало жить в Тебе то, что не жило:
Не бывшее, Твоих исполнясь сил,
Сияет все, как в небесах светило.

12

Сияет все, как на небе светило,
В Тебе, подобно тьме незримый Свет.
Звездами ночь Твой ответ нам явила;
И дивен звезд мерцающий привет.

Но тьма ли ночь сама или горнило
Сокрытое? Незримостью одет
Незрящий Ты. В свечение планет
Лишь слабый отблеск солнца свой излило.

И в звездах ночи мне не сам Ты зрим,
Но Твой многоочитый серафим.
А я постичь Твою незримость чаю.

Отдав себя несущей ввысь мольбе,
Подъемляся, неясно различаю
Что́ есть и то, что может быть в Тебе.

13

И «есть» и то, что может быть, Тебе
Одно в творенья всеедином чуде.
То «может быть» не тенью в ворожке
Скользит, но — было иль наверно будет.

Уже ль меня к бессмысленной гоньбе
За тем, что может и не быть, Тот нудит,
Кто звал меня наследовать Себе?
И мира смысл в Природе, а не в людях?

Но в смутном сне моем о том, что есть,
Искажена всего смешеньем весть.
Всего ль? — Прошедшее уже не живо.

Того, что будет, нет еще, и нет
Всего, что есть, моих в године бед.
Все — Ты один: что будет и что было.

14

Ты все один: что будет и что было
И есть всегда чрез смерть. Так отчего
В темнице я, отторжен от всего
И рабствуя, бессильный и унылый?

Мое меня хотенье устало
Всецело умереть. Из ничего
Не стал я сыном Бога моего.
А вечно все, что раз себя явило.

Мою свободу мукой Ты сберег,
Ты мною стал, рабом — свободный Бог.
И вновь хочу, чтобы жизнь изобличила

Моею полной смертью Змия десть
Недвижного небытность злую «есть».
«Есть» — Ты, а Ты — что «будет» и что «было».

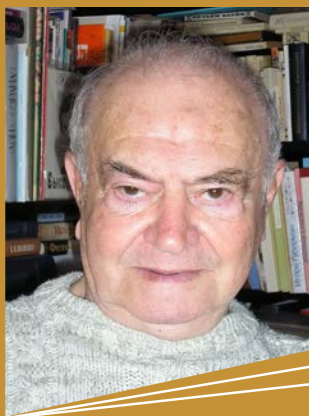
15

Ты все один: что будет и что было,
И есть, и то, что может быть. Тебе
Сияет все, как на небе светило,
И движется покорствуя Судьбе.

Безмерная в Тебе сокрыта сила.
Являешься в согласье и борьбе
Ты, свет всецелый, свет без тьмы в себе.
И тьма извне Тебя не охватила.

Ты беспределен: нет небытия.
Могу ли в тьме крошечной быть и я?
Свой Ты предел — всецело погибая.

Небытный, Ты в Себе живешь как я.
Дабы во мне воскресла жизнь Твоя.
Ты — мой Творец, Твоя навек судьба — я.

Леонид Столович

родился в Ленинграде в 1929 г. Учился на философском факультете Ленинградского университета. В начале 1953 г. переехал в г. Тарту (Эстония), работал в Тартуском университете преподавателем эстетики и философии. В 1967 г. он стал профессором, а в 1994 г. — Почетным профессором (Professor Emeritus) Тартуского университета. Его первым литературно-поэтическим наставником был поэт Глеб Сергеевич Семенов. С 1946 года он перестал писать стихи и возобновил свою стихотворную деятельность только через 30 лет. Первая подборка его стихотворений была опубликована в газете «ТГУ — Тартуский гос. университет» от 28 ноября 1980 г. Предисловие к ней написал Юрий Михайлович Лотман. Потом были публикации в русских журналах, издаваемых в Эстонии: «Радуга», «Таллинн», «Вышгород», а также в питерской «Звезде» (1996, № 8). Наиболее полно его поэтическое творчество представлено в книгах «Стихи и жизнь. Опыт поэтической автобиографии» (Таллинн, 2003) и «Размышления: Стихи. Афоризмы. Эссе» (Tallinn–Tartu, 2007).

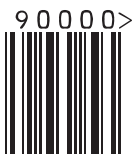

Михаил Сергеев

родился в Москве в 1960 г. Закончил факультет международной журналистики МГИМО. В 1990 году уехал в США на аспирантскую учебу в Филадельфийском Университете Темпл. В 1993 году получил степень магистра искусств, а в 1997 году — доктора философии по специальности «философия религии». Преподает историю религий и современного искусства в Университете искусств в Филадельфии. Автор многочисленных историко-философских и религиозно-философских статей, опубликованных в российских и американских журналах, а также ряда книг, в том числе монографии по русской софиологии — *Sophiology in Russian Orthodoxy: Solov'ev, Bulgakov, Losskii and Berdiaev* (The Edwin Mellen Press, 2006). Подборки его стихотворений печатались в Филадельфийском альманахе «Побережье» и Вестнике Российского философского общества.

ISBN 978-1-934881-59-0

9 781934 881590